

Двор на Республиканской

ПРОГУЛКИ ПО ЯРОСЛАВЛЮ

На нынешней улице Республиканской – когда-то она называлась Духовской – до сих пор сохранились постройки бывшей усадьбы одного из первых городских аптекарей немца Генриха Бредлиха. Теперь от этой семьи остались только подернутые романтичным флером полулегенды-полубыли. Впрочем, еще недавно при копке траншей во дворе коммунальщики выкапывали разноцветные пузырьки для лекарств. А еще остались рассказы о снохе аптекаря – Эдит, женщине редкой красоты, о ее тонкой талии и красивой походке.

Во время войны семью Бредлиха сослали в Сибирь – немцы, католики! И лишь красавица Эдит, вернувшись в Ярославль, временами заходила в старый двор, задумчиво сидела на лавочке под окнами бывшей квартиры, разговаривала со старожилками. А дух старого аптекаря странным образом повлиял на многих людей.

Бывший провизор Власьевской аптеки Валентина Павловна Мозжечкова по моей просьбе написала воспоминания о доме. К ним она приложила чертежи – кто и где жил перед войной в четырех домах под № 51. Тяжело жили, немалыми семьями, но дружно и весело. Родители у всех в основном были без большого образования, но трудолюбивые и мастеровитые. Поэтому двор всегда был ухожен – скамеечки, клумбы... Отцы умели все и с готовностью помогали друг другу. Матери никогда не делили детей – все были свои. Малыши забегали в любую комнату – везде их прикармливали. Ребята постарше играли в «двенадцать палочек», толпой ходили купаться на Которосль, ставили домашние концерты. Летними ночами устраивались на ночлег на «заднем» дворе, где росли два дуба, березы, разговаривали до рассвета.

Война жестоко прошла по двору. У всех отцы и старшие братья ушли на фронт, и многие не вернулись. Среди первых

Игорь Гусев попал в армию первокурсником индустриального института. Он и сейчас красивый, а на ранних фотографиях – медальный профиль, волнистая шевелюра. В его корнях близкое родство с Виктором Розовым. Военная профессия – командир 76-миллиметрового орудия. Боевой путь – Воронеж, Курск, Одер. После войны – техникум и женитьба. А в памяти – давнишние дворовые баталии по волейболу, борьба «на одну правую руку». Это были «десятиклассники, выигравшие войну»,

доконник, чтобы музыку слушал весь двор. Да он и сам играл на гармошке. Красивый, стройный парень, все девчонки были в него влюблены, вспоминает Валентина Павловна. У Сарбаевых на втором этаже на окно ставили патефон, и подростки учились танцевать – в соседний городской парк пока не ходили. Юрий Живухин играл на гитаре, а любимой мелодией была смешная песенка «На далеком Севере эскимосы бегали...».

Ребята из больших семей рано становились кормильцами.

рый двор. Позднее оказалось, что не одна я искала здесь встречи с воспоминаниями. Даже уехавшие в другие города, бывая в Ярославле, обязательно приходили на задворки, к дубам, гладили их морщинистую кору.

Прошло много лет. Не помню, откуда прилетело известие, что нет более Евгения Таманова. И как всегда с опозданием, стало понятно: не спросила его об одном, не узнала про другое. Снова на помощь пришел старый двор, где сберегли о нем воспо-

тогда было чуть за сорок. В 58 его не стало. Похоронен на Ваганьковском кладбище, рядом с матерью.

Нужно сказать, что оба класса, выпущенные в 1948 году из школы № 33, отличались какой-то особой талантливостью. Потом из этих ребят выросли профессор, директора крупных предприятий, академики, даже дипломат. Был и еще один атомщик – Ким Юшко, погибший от радиации в тридцать лет.

Сейчас на дворе пусто. С одной стороны идет стройка, на которую с грустью смотрят обветшавшие дома «а», «б», «в». Как сказали нам в Кировской администрации, квартал предназначен под новое проектирование. Старый двор проживет недолго. Место уж очень хорошее, и старожилы остались немногие.

Но те, с кем довелось мне встречаться, хранят в себе какое-то родство с давними жителями. Взять хотя бы Алексея Кириченко, правнука Ивана Сарбаева – участника первой мировой войны, за работу на «Свободном труде» награжденного орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Алексей уверен в себе, добродушен и надежен.

Как брат, похож на него Анатолий Спорышев – такой же статный, широкоплечий, спокойный. Много лет работает фотографом в ателье у Волковского театра. Его отец, Юрий Спорышев, был во дворе главным заводилой и озорником. Во время воздушных тревог в бомбоубежище любил пугать девчонок. Сыновей вырастил прекрасных – умелых, красивых...

Уходит не только люди, но и деревья. Один из дубов погиб вскоре после войны. Второй сжег кто-то из новоселов: что ему было до чьей-то памяти, до чьих-то душ? Но рядом с обгоревшим пнем увидела я нынешней весной молодой дубок. Трудно ему будет выжить.

Инна КОПЫЛОВА.

ушел с Ярославской комдивизией естоляр, гармонист Василий Лисенков. Вскоре он погиб, оставив пятерых детей и вдову 35 лет. А в июне 1942 года, слегка подправив год рождения, поступила в школу радистов, готовящих связистов для партизанских отрядов, его старшая дочь Нина.

Римма Лисенкова-Бабанова в своем письме из Минска вспоминает то время: «Главное желание – поест. Мама говорила: «Закончится война, я куплю целую буханку хлеба, и вы наедитесь». «И тогда можно будет не один кусочек взять?» – не верил братишка». Через 60 лет Лисенковы разыскали могилу отца под Смоленском. «Все 60 лет я оплакивала его. Ночами он меня звал. Теперь стало легче. Мы выполнили свой долг», – писала Римма.

как писал потом философ Александр Зиновьев.

Из дома № 51 погибли братья Михаил и Федор Фомины. Третий брат, летчик Борис, потерял ногу, после войны окончил медтехникум. Павел Лопашов погиб под Сталинградом, Дмитрий Малков – под Москвой. Вместе с Валентиной Мозжечковой-Лопашовой мы составляли список погибших и вернувшихся с фронтов – насчитали чуть ли не роту.

Мне ближе дворовое поколение помладше. Это были ребята, перебедавшие войну, потерявшие отцов, но помнившие свое удивительное, пусть и небогатое детство. Живы еще были во дворе старые традиции, добрые, почти родственные отношения, интерес друг к другу.

У Левы Грибанова был радиоприемник. Он ставил его на по-

Это были умелые парни, как их отцы когда-то. Многие были охвачены жаждой учения. Ольга Страусова стала учителем, Валентин Круглов – инженером, Герман Репин – художником, Рудольф Фомин – врачом.

Неволью ребятня равнялась на Женю Таманова. В 1948 году он блестяще, с золотой медалью закончил школу и поступил в один из самых престижных вузов – Ленинградский политехнический. На последнем курсе вдруг сообщил: переводят в Москву. Однажды при встрече ужасно хрипел и кашлял – сказал, что простудился в аэродинамической трубе. Он так и остался работать в Москве, где и кем – не говорил.

Жизнь развела нас. Но проходя по Республиканской улице, я все время заглядывала в ста-

минания. Все, например, знали, как нежно любил Евгений мать, Ксению Петровну, женщину, выделявшуюся гордой осанкой, строгой аккуратностью в одежде и прическе. Они никого близко к своей жизни не допускали, так и осталось ощущение какой-то тайны в этой маленькой семье. Много лет спустя, когда Ксения Петровна лежала в больнице в Москве, Анна Ушкова заехала навестить ее. Вся палата с волнением рассказывала, как Евгений заботливо ухаживал за матерью.

На ранних фотографиях Евгений то с ребятами посреди Которосли, то где-то на московском пляже. Помнят, плавал как рыба, воду любил, увлекался подводным плаванием. Но вскоре его стала мучить гипертония, больница не помогала. А лет ему